

На правах рукописи

КИРИЛЛОВА Ирина Владимировна

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ
НЕИНСИТНЫХ ОСТАТКОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

1.6.14. – Геоморфология и палеогеография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в лаборатории эволюционной географии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт географии Российской академии наук (г. Москва)

Научный руководитель: Янина Тамара Алексеевна, доктор географических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник лаборатории эволюционной географии ФГБУН Институт географии Российской академии наук (г. Москва)

Официальные оппоненты: Бородин Александр Васильевич, доктор биологических наук, доцент по специальности экология, зав. лабораторией филогенетики и биохронологии ФГБУН Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург);

Руденко Ольга Владимировна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии, экологии и общей биологии ФГБОУ ВО Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (г. Орел)

Ведущая организация: ФГБУН Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)

Защита диссертации состоится 7 октября 2022 г. в 11:00 час. на заседании Диссертационного совета 24.1.049.02 в ФГБУН «Институт географии РАН» по адресу: 119017 Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на интернет-сайте Института географии РАН:

<http://www.igras.ru/defences>

Автореферат разослан « » « » 2022 г.

Отзывы в 2–х экземплярах, заверенные печатью учреждения, просим направлять по указанному адресу Учёному секретарю Диссертационного совета и по E-Mail d00204603@igras.ru

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.1.049.02,
кандидат географических наук

Е.А. Белоновская

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы

Несмотря на относительно хорошую изученность природной обстановки позднего плейстоцена (Герасимов, Марков, 1939, 1941, 1960; Марков, Величко, 1967; Величко, 1973, 1980, 2012; Evolution of the European Ecosystems..., 2019), её реконструкции, динамика численности и ареалы основных представителей мамонтовой фауны, а также временные рамки их существования нуждаются в дальнейшем уточнении, что показано последними работами (например, Kosintsev et al., 2019, 2020; Шпанский, Боескоров, 2018 и др.). Чаще работа ведётся с находками *in situ* (лат. — «на месте»), обнаруженными в месте их захоронения, информативными и надёжными при палеорекострукциях. Одновременно с этим известно большое количество не привязанных к разрезам (= неинситу) остатков крупных млекопитающих, которые специалисты используют в основном как вспомогательный материал при исследованиях. Их включают в статистические данные, но не опираются на них как на важный источник информации.

Актуальность данного исследования заключается в развёрнутом доказательстве ценности и информативности неинситу остатков млекопитающих и в палеогеографическом, и в палеобиологическом отношении при комплексном подходе к их изучению.

Объектами исследования являются обнаруженные вне геологического контекста, неинситу остатки крупных представителей мамонтовой фауны С-В России (п-в Таймыр Красноярского края, Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ): пещерного льва *Panthera leo spelaea* Goldfuss, 1810, шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799), шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799), носорога Мерка *Stephanorhinus kirchbergensis* Jäger, 1839, древнего бизона *Bison priscus* Vojanus, 1827, гигантского *Megaloceros giganteus* (Blumenbach, 1799), благородного *Cervus elaphus* Linnaeus 1758 и северного *Rangifer tarandus* Linnaeus, 1758 оленей и некоторых других видов. Основной источник материала – коллекция Национального альянса Шидловского «Ледниковый период», г. Москва.

Основная цель работы – разработка методики и на её основе реконструкция среды обитания мегафауны позднего плейстоцена северо-восточной Азии на основе изучения их неинситуальных остатков и сопутствующих источников информации (включённых грунта, органических остатков, ^{14}C возраста, состава стабильных изотопов, тафономии и т.д.). Для её достижения поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Разработать методику комплексного изучения неинситуальных остатков крупных млекопитающих, оценить перспективы её использования для установления стратиграфического контекста и геологического возраста; показать значимость и возможности использования подъёмного материала для палеогеографических реконструкций

2. На ряде модельных объектов (ключевых образцов) непосредственно реконструировать условия обитания крупных млекопитающих путём комплексного изучения этих объектов и сопутствующих источников информации. Выявить и изучить характеристики палеосреды в местах находок, мало используемые при масштабных реконструкциях;

3. На основании анализа неинситуальных данных определить ранее неизвестные адаптации шерстистого мамонта, древнего бизона и пещерного льва к условиям жизни на С-В Азии в позднем плейстоцене.

4. Выявить и объяснить ранее не исследованные тафономические особенности остатков млекопитающих (мокрое озоление) и известные признаки (вивианитизация, прокрашенность солями металлов), указывающие на условия и время захоронения;

5. Расширить возможности применения редко используемых (например, экскременты мамонта) источников палеогеографической информации и введение в практику исследований новых источников информации (шерсть крупных млекопитающих).

Научная новизна работы заключается: (1) в разработке комплексной методики изучения неинситуальных остатков млекопитающих, которая может быть применена также и для остатков, имеющих стратиграфическую привязку. (2) В выявлении новых признаков адаптации крупных плейстоценовых млекопитающих, возникающих в ответ на изменения среды в позднем плейстоцене, в том числе: выявление промежуточного

этапа эволюционного развития мамонта на пути уменьшения размеров на континенте в ответ на уменьшение пространства ресурсов; соотнесение признаков/маркеров стресса на метаподиях древнего бизона с условиями среды обитания; доказательство связи процессов мокрого озоления и вивианитизации остатков млекопитающих со сравнительно тёплыми климатическими условиями в момент жизни животных и захоронения их остатков.

В результате проведённого исследования получены следующие **новые для науки результаты**:

1. Расширены представления о хронологических рамках и географии носорога Мерка. Установлено, что экологические условия позднего плейстоцена в высоких широтах Азии были более благоприятны для него, чем это считалось ранее.

2. Выявлена высокая информативность ископаемой шерсти крупных млекопитающих для палеоэкологических и тафономических реконструкций.

3. Показана информативность мало изучаемых экскрементов мамонта для палеоэкологии и биологии вида.

4. Впервые показано, что в термохронах позднего плейстоцена имело место непирогенное обугливание костей, как и отложение вивианита на остатках млекопитающих.

5. Установлена связь между формированием маркеров стресса на метаподиях бизона – показателями высокой нагрузки – и условиями среды: приспособлении к движению по твёрдому субстрату и насту, столкновения с членами стада.

6. По материалам с побережья Восточно–Сибирского моря впервые установлена континентальная мелкая форма шерстистого мамонта; палеогеографические реконструкции позволяют увязать ее формирование с адаптацией к изменению среды в МИС 5е.

Теоретическая значимость. На основе новой информации расширены и детализированы реконструкции палеосреды и биологии ряда видов мамонтовой фауны высоких широт с-в Азии. Обоснован алгоритм комплексного анализа неинситу остатков.

Практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при реконструкции адаптаций к среде у крупных млекопитающих мамонтовой фауны. Результаты диссертации позволяют актуализировать студенческие курсы в профильных вузах. Некоторые выявленные тафономические

признаки у подъёмных остатков позволяют предположить их исходное положение в разрезе и время захоронения.

Степень достоверности результатов. Степень достоверности полученных данных определяется значительным объёмом исследованного материала, комплексным подходом и взаимопроверяемостью результатов, полученных разными методами, сочетанием традиционных и современных методов анализа. Проверка достоверности результатов неоднократно осуществлялась в процессе апробации, включая публикации в ведущих международных специализированных журналах, где они прошли рецензирование специалистами высокого уровня.

Положения, выносимые на защиту

1. Неинситуальные остатки крупных млекопитающих, включающие грунт и органические материалы, при комплексном подходе являются ценным источником палеогеографической информации и стратиграфического контекста.

2. Промежуточная форма шерстистого мамонта с чётко выраженными морфологическими чертами («полукарлики») как результат незавершённого процесса дворфизации образовалась на континентальном побережье Восточно-Сибирского моря в «тёплую» стадию МИС 5е в результате изменения среды обитания (сокращение пространства ресурсов). Уменьшение размеров зубов мамонта ускорялось за счёт утраты дентиново-эмалевых пластин, чему способствовала структура зуба. На островах в других регионах этот процесс приводил к образованию карликовых форм.

3. Остатки млекопитающих из межледниковых и межстадиальных отложений верхнего плейстоцена нередко несут тафономические отличия от таковых из отложений криохрона: непирогенное обугливание, вивианитизация, прокрашенность твёрдых тканей солями Fe и Mn.

4. Метаподии позднеплейстоценовых бизонов, при «здоровом» состоянии компактны и малой доле патологических изменений, предполагающих благополучие организма в целом, указывают на адаптацию к открытой среде обитания и высокую активность через следы интенсивных нагрузок (стрессов).

5. Шерсть мамонта и других видов из мёрзлых пород, будучи сорбентом органических остатков, является ценным источником информации о палеосреде. Равно как экскременты

служат архивом информации не только по диете и среде, но также по биологии (потребность в минералах, болезни), и о других организмах (позвоночные, беспозвоночные, бактерии).

Личный вклад автора. Автор лично изучил все представленные в работе образцы традиционными методами исследования: сравнительно-морфологическим, морфометрическим и методом регистрирующих структур (РС), подбирая материал, осуществлял отбор проб для разных видов анализа, координировал выполнение исследований, обобщал результаты всех соавторов.

Апробация работы. Результаты работы представлены на конференциях: «Динамика экосистем в голоцене» (Москва, 2006); 16th ICBS (Slovakia, 2009); INQUA-SEQS Conference (Ростов-на-Дону, 2010); Vth International Conference on Mammoths and their Relatives (Le Puy-en-Velay, 2010); Международное совещание «Териофауна России и сопредельных территорий», IX Съезд Териологического общества (Москва, 2011); VIth International Conference on Mammoths and their Relatives (Greece, 2014); X Всероссийское совещание «Фундаментальные проблемы квартера» (Москва, 2017); заседание Учёного совета ИПЭЭ РАН к 80-летию А.В. Шера (М., 11.2019); 67 сессия ВПО (М., 2021) и др.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, 5 глав, Заключения, Списка литературы, Приложений. Общий объём – 192 страницы. Основная часть изложена на 144 страницах. Работа иллюстрирована 31 рисунком (+ 15 в Приложении) и 4 таблицами (+ 3 в Приложении). Список литературы включает 450 названий, в т.ч. 204 на иностранных языках.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 42 работы (2012-2021), из них в журналах по списку ВАК 30, основные приведены в конце Автореферата.

Благодарности. Автор выражает глубокую благодарность преподавателям Географического факультета МГУ, сформировавшим географическое и экологическое мировоззрение; своим учителям в палеобиологии В.П. Данильченко и В.Е. Гарутту; Ф.К. Шидловскому за многолетнее сотрудничество и его коллекцию, с которой работал как хранитель и исследователь; руководителю диссертации Т.А. Яниной и научному консультанту А.Ю. Пузаченко, а также О.К. Борисовой, О.Г. Заниной и А.В.

Панину за терпение и доброжелательность при обсуждении разных вопросов; коллегам, с которыми обсуждала работу на разных стадиях её готовности; соавторам, российским и иностранным, которые разными методами сделали исследования объёмными и разносторонними, особенно О.Ф. Чернову, интенсивная работа с которой во многом обеспечила выполнение задач исследования; сотрудникам Зоомузея МГУ за доступ к коллекциям; Г.П. Гончаровой и П.Е. Колесникову за техническую помощь; Е.М. Тесаковой, инициировавшей работу. Сердечная благодарность близким за поддержку.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Обзор литературы: состояние изученности палеосреды и мамонтовой фауны Северо-Востока Азии

В Главе 1 рассмотрена изученность палеосреды и мамонтовой фауны региона и основные природные архивы. Регионы сбора изученных остатков древних млекопитающих находятся в высоких широтах азиатской части России, севернее широты Северного Полярного Круга ($66^{\circ}33'44''$). Согласно физико-географическому районированию (Физическая география СССР, 1978), для территории характерен резко континентальный климат, обусловленный расположением в пределах арктического и субарктического климатических поясов, малое количество осадков (200–250 и менее мм в год), среднегодовыми температурами ниже -10° . Суровый климат обуславливает сплошное развитие многолетней мерзлоты, оказывающей существенное влияние на формирование рельефа (криогенный, сочетающийся с аллювиальным и др.) и ландшафтов. Наиболее распространены едомные комплексы, покровные верхнеплейстоценовые тонкодисперсные льдистые отложения. Растительность арктической тундры состоит в основном из низких кустарников, кустарничков, ассоциаций травяного и мохово-лишайникового покрова, с локальным распространением деревьев.

Поздний плейстоцен характеризовался существенными изменениями климата и природной среды, с большой амплитудой климатических колебаний, нарастающим похолоданием и чередованием холодных стадиалов и относительно тёплых интерстадиалов, что сопровождалось изменениями ландшафтов,

состава флоры и фауны (Величко и др., 1968; Величко, 1973); в максимум последнего оледенения (МИС 2) эвстатический уровень мирового океана опускался до отметки ниже -125 м, приведя к осушению арктического шельфа (Atlas of Paleoclimates and Paleoenvironments of the Northern Hemisphere 1992; Sher et al., 2005) и расширению на север потенциальной области обитания мамонтовой фауны. Стадии МИС 4 и, особенно, МИС 2 отличались холодными условиями и расширением открытых ландшафтов (Астахов, 2006). В последнее, казанцевское межледниковье (МИС 5e, 130–112 тыс. лет назад), средняя температура июля в северной Сибири превышала современную до 10° (Frenzel et al., 1992).

Сохранившиеся в мёрзлых отложениях кости, скелеты и трупы несут ценную информацию о самих животных, биоте в целом и окружающей среде. За прошедшие почти 300 лет с публикации первой научной статьи по мамонту (Татищев, 1725) от чисто описательных работ исследователи пришли к анализу природной среды плейстоцена в целом. Однако исследования касаются преимущественно инситу находок.

Неинситу находки, помимо музейной востребованности, ценны при изучении инситу материалов как вспомогательные, но в ряде случаев – как основные источники информации, как было с врангелевскими мамонтами (Vartanyan et al., 1993, 2008). Примером является также труп мамонтёнка «Люба», найденный вдали от разрезов и изученный комплексом методов (Косинцев и др., 2010). Изучение серийных материалов с п-ова Быковский позволило выделить группы образцов по надёжности привязки к обнажению, при контроле ^{14}C датирования, и по сохранности (Кузнецова и др., 2019). Хотя любые обнаруженные остатки исследователи измеряют, фотографируют и приобщают к общему массиву данных, учитывая статистически, значительная часть информации по объектам обычно остаётся за пределами внимания. В этой работе мы расширяем методологию изучения подъёмного материала и рассматриваем последний как самостоятельный источник палеогеографической информации.

Глава 2. Материалы и методы исследования

Во второй главе приведена характеристика изученных материалов и методов исследования.

Материалы и территория сборов

Изучены неинсцитные черепа, кости, скелеты, труп, зубы, кератиновые производные кожи, экскременты и др. представителей мамонтовой мегафауны: пещерного льва, шерстистого носорога, носорога Мерка, древнего бизона, лося, гигантского, благородного и северного оленей, шерстистого мамонта и др., собранных местными жителями, от нижнего течения р. Яна до устья р. Раучуа (Рис. 1). Обработано 315 образцов и свыше 257 проб из научной коллекции Национального альянса Шидловского «Ледниковый период» (г. Москва).

Рис. 1. Места находок ключевых образцов

Комплексом методов изучены следующие остатки крупных млекопитающих, включённые в них грунт и органические остатки:

- (1) *Череп носорога Мерка* с р. Чондон (образец F-4160).
- (2) *Экскременты мамонта* (F-552; F-3447) с рр. Индигирка и М. Анюй.
- (3) *Зубы мамонта последней смены* (F-3327, F-3326 и др.) с побережья Восточно-Сибирского моря между устьями рр. Алазея и М. Куропаточья (далее «алазейские мамонты»).

- (4) *Череп, нижняя челюсть и рога шерстистого носорога* с р. М. Куропаточья (F-506–F-509).
- (5) *Шерсть мамонта* с р. Б. Чукочьа (F-2362).
- (6) *Скелет пещерного льва* с р. М. Анюй (F-2678).
- (7) *Труп древнего бизона с реки Раучуа* (F-3246).
- (1 – 7) *Метаподии древнего бизона* с Приморских низменностей.

Методы изучения образцов

При изучении ископаемых остатков млекопитающих применён комплексный подход. В работе использованы результаты следующих методов исследований остатков млекопитающих и включённых в них материалов: морфологический и морфометрический для идентификации и сравнения объектов; метод регистрирующих структур Г.А. Клевезаль для определения возраста и биологического статуса; палеоботанические методы для реконструкции флоры и среды обитания (15 проб), палеоэнтомологический (2), гранулометрический (5) для определения состава и генезиса осадков; анализ палеодНК (6), метод стабильных изотопов (С, N, H, O) для анализа диеты, палеотемператур и сезона: свыше 200 проб. Геологический возраст образцов определён ^{14}C методом (19 проб) или косвенно, по методу совмещённых ареалов палеоботанического анализа, на основе региональных стратиграфических схем рыхлых отложений (Gibbard, West, 2000). Микроструктура шерсти/перьев, следы на эмали зубов исследованы методом сканирующей электронной микроскопии СЭМ (4) в ИПЭиЭ РАН. Палеоботанические исследования (спорово-пыльцевой, фитоолитный, тканевый, макроостатков, совмещённых ареалов: (15 проб) выполнены в: 1) Aix Marseille Université, CNRS, Франция, 2) Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, 3) Институте экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург и 4) Институте географии РАН, Москва. Анализ радиоактивных и стабильных изотопов выполнен в: 1) Groningen, Netherlands, 2) Australian Nuclear Science and Technology Organisation, 3) Институте географии РАН, Москва, 4) Институте экологии и эволюции РАН, Москва, 5) Geology and Geochemistry cluster, Vrije Universiteit (VU), Амстердам, 6) Институте географии РАН, Москва. Инфракрасная спектрофотометрия (5 проб)

проведена в Российском центре судебно-медицинской экспертизы, Москва. Анализ палеодНК выполнен в University of California, США и Институте химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Глава 3. Результаты изучения неинситуальных позднеплейстоценовых остатков млекопитающих Северо-Востока Азии

Ануйский лев. Размерами несколько мельче, чем пещерные львы Западной Европы. ^{14}C возраст запредельный. Анализ изотопов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ предполагает питание мясом крупных копытных, прежде всего бизона и лошади.

Чондонский носорог (ЧН). Микроследы на эмали зубов ЧН свидетельствуют о питании травянистым и древесно-кустарниковым кормом; предполагаемый (45–70 т.л.) возраст вызвал дискуссию (Гл. 5).

Бизон с реки Раучуа. ^{14}C дата около 9 т.л. Пропорции костей отличаются от пропорций других бизонов Северо-Востока России относительной грацильностью. По мтДНК отнесён к новой кладе.

Метаподии (МП) ископаемых бизонов. Впервые изучены маркеры стресса на МП древних бизонов: контрфорсы на плюснах (МТ, Рис. 2) положительно увязанные с возрастом, весом, чаще отмечаемые у самок как следствие беременности, и периоститы, развитые почти на всех МП, чаще у самцов, как следствие большей двигательной активности и агрессии по отношению к членам стада.

Рис. 2. Контрфорсы на МТ бизона.

Алазейские мамонты. По частоте пластин и толщине эмали зубов они близки к сибирским мамонтам МИС 3, но ^{14}C даты запредельные. Отличие от голоценовых мамонтов о-ва Врангеля – в более толстой эмали и, главное, в меньшем числе пластин. Образцы восполняют отсутствие материалов по континентальным верхнеплейстоценовым мамонтам региона и показывают уменьшение размеров у регионально обособленной группы. Мы полагаем, что у алазейских мамонтов шёл процесс дворфикации, который остался не завершённым. По микростиранию эмали в рацион входили и травянистые растения, и ветви кустарников и деревьев. Согласно $\delta^{18}\text{O}$ сигналу в эмали зуба F-3327, мамонт жил в межледниковых условиях.

Экскременты мамонта. Скопления экскрементов приурочены к древним пастбищам в понижениях рельефа с луговой растительностью (аласах), где были благоприятные условия и для захоронения. ^{14}C образца F-522 – около 42 т. лет (MIS 3); образец F-3447 > 45000 лет.

Морфоадаптации шерсти крупных млекопитающих. Выявлены адаптационные признаки шерсти льва и бизона. Пещерный лев имел разнообразные хорошо дифференцированные волосы, включая четыре типа защитных волос (как у современного льва) и два типа пуховых. Функция шёрстного покрова сдвинута в сторону защиты от внешних воздействий, при увеличенной доле подшёрстка. При общем сходстве строения волосяного покрова древнего бизона, рецентных бизона, зубра и быка первый обладал более плотной и сильнее дифференцированной шерстью. Особенно сильно была развита подпушь. У исследованных представителей крупных бовид наиболее крупные и складчатые чешуйки имел ископаемый бизон.

Обугленные остатки крупных млекопитающих. ИКС (инфракрасные спектры) тканей показали хорошую сохранность всех трёх групп амидов, отсутствие липидов, заметную деструкцию неорганической части, особенно ортофосфатов. В криминалистике это признаки кислотного озоления. ^{14}C возраст обугленных черепов бизона (ок. 37 т.л.), льва (ок. 25 т.л.) и носорога (ок. 40 т.л.) соответствует «тёплым» эпизодам МИС 3.

Глава 4. Результаты изучения грунта, заполнявшего остатки млекопитающих

В главе 4 приведены результаты исследования (1) гранулометрического состава грунта из мозговой камеры черепов пещерного льва F-4299, шерстистых носорогов F-506 и F-61 и полостей зуба мамонта F-3327. (2) палеоботанических остатков из грунта тех же образцов, кроме F-4299, (3) органических остатков из шерсти мамонта F-2362, из зубов носорога F-4160 и содержимого желудка бизона с р. Рауча F-3246. Замкнутость полостей зубов и черепов доказывает, что грунт в них является частью исходных вмещающих отложений.

Грунт из черепов F-4299, F-506 и F-61 (Рис. 3) имеет сходные гранулометрические спектры, с пиком на фракции крупного алеврита (10 – 50 μm), около половины осадка; на весь алеврит приходится до 2/3 осадка. Состав аналогичен едому и пойменному аллювию, второе более вероятно, учитывая включения водных организмов.

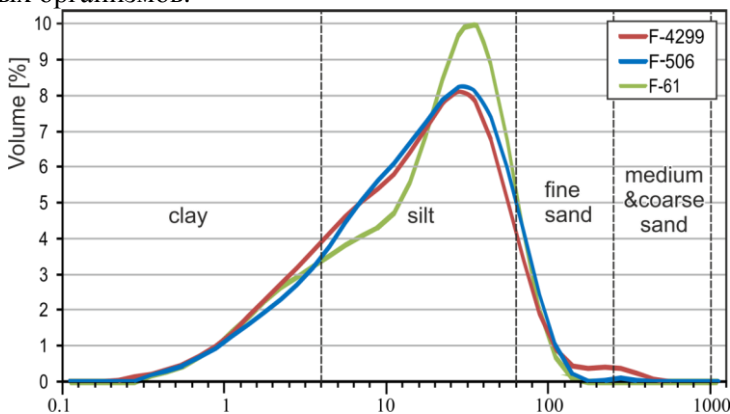

Рис. 3. Гранулометрические спектры

Характеристика органических включений

Череп чондонского носорога Мерка. Преобладает растительный детрит, забивший полости зубов, многочисленны остатки коры веток лиственницы. Судя по малой ширине годовых колец, деревья росли в неблагоприятных условиях, с коротким и холодным вегетационным периодом. Определены остатки мхов и злаков.

Череп шерстистого носорога из торфяного слоя. Пыльца деревьев и кустарников в торфянистом мелкозёме из полости черепа F-61 составляет 45% наземных растений, трав и кустарничков 48%. Доля лиственницы до 5%. Среди травянистых преобладают осоки и злаки.

Остатки шерстистого носорога из низовьев р. М. Куропаточья

Пыльца древесных пород составляет треть всей пыльцы и спор наземных растений, доля деревьев (в основном *Betula sect. Albae*) 10%. Среди кустарниковых форм преобладают ольха, берёза и виды ив. Доля трав и кустарников 63%, преобладают злаки и полыни, заметна доля осоковых, гвоздичных и камнеломковых. Травянистые растения представляют более 15 семейств. Спор 7%, преобладает сфагнум, заметна доля печёночника. Существенная доля спектра приходится на обитателей луговых сообществ. Обнаружены редкая пыльца водных и прибрежных растений, талломы зелёных водорослей, спикулы губок, створки диатомей, споры грибов.

Состав пищевого кома из желудка бизона с р. Раучуа

Преобладают остатки осок и луговых злаков; кроме них, отмечены багульник, вахта, сабельник болотный, лютик и хвощ. Комплекс микрофоссилий включает большое количество фитоцитов (553–620), ткани мха и кустарников, слепки кутикулы трав и кустарников, эпидермис травы и осоки, эпидермис со стомой и целые раковины диатомовых водорослей. Остатки древесных растений не обнаружены. О низкорослости растений свидетельствуют мелкие размеры фитоцитов. Мхов до 50% среди фитоцитов, которых бизоны обычно избегают. Вероятно, бизон захватывал их попутно.

Алазейский мамонт. Пыльца древесных форм составляет до 29% СПС, травянистых до 76%, спор до 5%. Доля лиственницы, до 7%, с учётом её неустойчивости к разрушению, свидетельствует о её значительном присутствии в растительных сообществах, наряду с берёзой. Споры и пыльца очень многообразны, включают многие луговые, болотные и прибрежные виды лесной зоны; ареалы некоторых видов в настоящее время расположены гораздо южнее. Спикулы пресноводных губок, створки диатомей свидетельствуют о формировании отложений в водной среде. Болотные и водные

зелёные мхи родов *Drepanocladus* и *Hylocomium* маркируют повышенное количество растворённых в воде минеральных веществ. Раковины амёб рода *Diffugia* указывают на заболоченность.

Экскременты мамонта. Образцы состояли в основном из полупереваренных растений. Образец F-552 включал оторфованный алеврит; остатки растений коричневатого цвета; жуков и эфиппии дафний, а также крупные фрагменты слизистой ЖКТ. В обоих образцах доминируют злаки, менее многочисленны осоки, кустарничковые ольха и берёза. Определены мезофитные растения тундровых луговых сообществ с умеренным увлажнением, типично степные растения не отмечены. Образец F-3447 содержал перья птиц.

Органические включения из шерсти мамонта с р. Б. Чукочья

Крупные колтуны шерсти мамонта были насыщены растительным детритом, включали перья птиц, волосы бизона и носорога, остатки жуков и ракообразных. Макроостатки растений представлены в основном злаками, преобладал дикий ячмень *Hordeum brevisubulatum*, доминирующий на современных аласных лугах Колымы. Присутствуют трёхреберник, маревые, спорыш и лапчатка, индикаторы нарушенных участков и береговых склонов. Водные растения представлены обитателями мелководья. Кустарники были широко распространены в пойме (ольха *Alnus fruticosa*) и на водоразделах (карликовые ивы рода *Salix*). Многочисленны эфиппии и нижние челюсти дафний. Разный ¹⁴C возраст шерсти (запредельный), растительных остатков (13 тыс.лет) и перьев (4 тыс. лет.) предполагает сложную историю, один из возможных сценариев представлен в Главе 5.

Глава 5. Реконструкция палеоэкологических обстановок и тафономических условий по изученным образцам

В Главе 5 сделаны методические обобщения по работе с неинсцитным материалом и приведены палеоэкологические выводы по временным срезам некоторых участков с-в Азии по результатам изучения ключевых образцов и объединения результатов исследования остатков млекопитающих и включённых материалов. При выполнении палеореконструкций соблюдена определённая этапность работы, которую можно представить и как методические

рекомендации при изучении неинситуального материала. Приведена классификация информационной насыщенности образцов.

Благодаря находке *носорога Мерка* за пределами Полярного Круга на р. Чондон, севернее ранее реконструированного ареала, восстановлена палеосреда палеонтологически малоизученного региона. Пастбища включали луга со злаково-разнотравно-моховыми ассоциациями и редкие лиственничники. Диета была смешанная, травянисто-веточная. Последняя трапеза включала ветки лиственницы. Небольшой годовой прирост её веток свидетельствует о неблагоприятных климатических условиях, аналогичных современным. Приведена дискуссия о возрасте ЧН.

Остатки растений из *эксскрементов мамонта* указывают на злаково-разнотравные и осоковые тундровые сообщества с карликовыми кустарниками. Пастбищные угодья включали также мелкие озёра с околородными растениями, заросли карликовых кустарников и злаковники на склонах, пойму и понижения рельефа с луговой растительностью. Присутствие крупных фрагментов слизистых тканей в образце F-552 предполагает заболевание ЖКТ, подтверждаемое повышенным содержанием ДНК клостридий. Включение глинистых частиц предполагает намеренную литофагию, вызванную потребностью в минеральных веществах. Эфиппии дафний, насекомые, птичьи перья в эксскрементах мамонта дополняют представления о пастбищах и среде позднего плейстоцена.

Растительность, окружавшая *алазейских мамонтов* на побережье Восточно-Сибирского моря, состояла из лиственничных и берёзовых лесов с кустарниковыми формами ольхи, березы и ивы, стланиками сосны, можжевельника и рододендрона; влажных лугов со злаковым разнотравьем, травяных и моховых болот. Осадконакопление шло в прибрежной части озера, судя по остаткам водных организмов. Метод ареалов по современным растениям (чьё распространение контролирует климат) оценивает превышение температуры июля над современной минимально на 8° С. По стабильным изотопам, превышение достигало 11°. Это соответствует условиям последнего межледниковья позднего плейстоцена (МИС 5е).

Среда обитания *носорога из низовья р. М. Куропаточья*

Состав грунта, пыльца водных растений и водные организмы указывают на флювиальный генезис вмещающих отложений. СПС указывает на присутствие южной (кустарниковой) тундры и березовой лесотундры, местами с небольшим участием лиственницы. В зоне тундры, даже в самой южной ее полосе, такое разнообразие разнотравья существует только на пойменных лугах. Травяные и моховые болота также были широко распространены. Климатические условия несколько теплее современных (потепление интерстадиального ранга).

Согласно содержанию желудка, *голоценовый бизон* с р. Раучуа пасся на мезофитных лугах с преобладанием осоки и злаков и на относительно осушенных землях с растительностью, состоящей из разнотравья, осок и полукустарников, кустов ив, карликовых берез. Основными летними пастбищами у раннеголоценового бизона Чукотки были влажные несколько угнетённые осоково-злаковые луга со смешанным травостоем и кустарниками. В целом состав растительных сообществ схож с современными. Среда обитания *анюйского льва* может быть реконструирована через состав добываемых жертв. Основной пищей были, очевидно, бизоны и лошади, обитатели открытых пространств. О суровых условиях обитания свидетельствует специфическое строение и структура шерстного покрова, обеспечивающие защиту от холода и механического воздействия.

Органические *остатки из шерсти мамонта* с р. Б. Чукочьа включали растительный детрит, остатки дафний, перья птиц и т.д. В составе растительных сообществ присутствовали злаки, осоки и разнотравье; лесные сообщества не были распространены. Комплексное исследование колтунов мамонтовой шерсти с Б. Чукочьа предполагает нескольких стадий формирования тафоценоза и развития окружающей среды (Рис. 2). Наиболее значимая стадия ландшафтных изменений произошла на границе MIS 2 – MIS 1: массовое образование термокарстовых озёр, накопление в них органических остатков; развитие луговых сообществ в аласах.

Обугленность образцов F-509 и др. указывают на мокрое озоление, для которого, как и для вивианитизации, необходимо обилие органики, влага и тепло. СПС грунта из черепа показывает

наличие относительно теплолюбивых растений, подразумевая раннюю, согласно ^{14}C , «тёплую» фазу МИС 3.

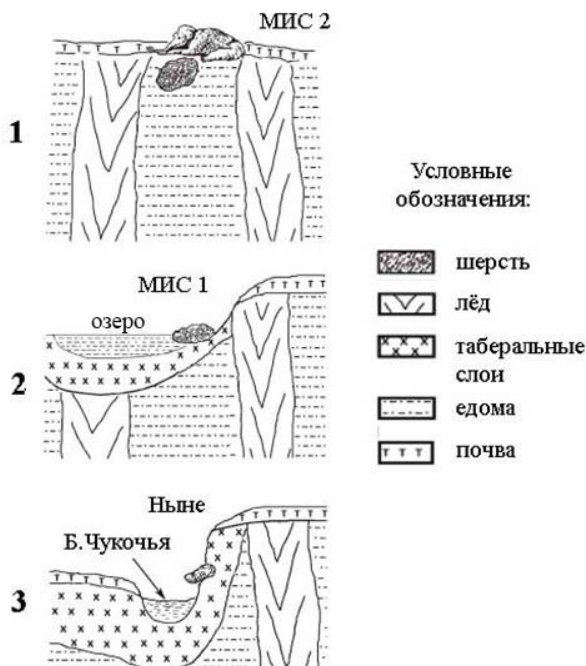

Рис. 4. Возможный сценарий формирования скопления

Заключение

При изучении неинтактных материалов приходится опираться как на морфологические особенности остатков крупных млекопитающих, позволяющие делать вывод об их эволюционном уровне и вероятном возрасте вмещающих отложений, так и на полученные палеоэкологические характеристики. Неоднозначность трактовки экологической ситуации – дополнительный аргумент в пользу комплексного подхода к реконструкции палеосреды по неинтактным остаткам. Набор привлекаемых методов определялся не только поставленной задачей, но и возможностью их применения в каждом конкретном случае. Для части объектов некоторые методы остались недоступными. Наконец, основным ключом для

палеогеографических реконструкций стало изучение заключённого в остатках млекопитающих грунта с органическими остатками.

Основные выводы

1) Разработана комплексная методика для работы с неинситуальными палеобиологическими материалами, являющимися ценными источниками палеогеографической информации. Она включает объединение результатов ряда методов, апробация которых позволила получить необходимые данные. Реконструированы природные условия в местах находок исследованных ключевых образцов: на рр. Чондон, средняя Индигирка, М. Куропаточья, М. Анюй, Раучуа для времени существования и захоронения животных. Прежде реконструкция характеристик природной среды в этих локациях для изучаемых временных срезов осуществлялась в основном без детализации и применения комплекса методов.

2) Доказано существование переходной формы шерстистого мамонта *M. primigenius* на континенте («полукарлики»). В «тёплом» последнее межледниковье позднего плейстоцена шло сокращение кормовых ресурсов за счёт увеличения мозаичности и раздробленности основных стадий, в связи с деградацией мерзлоты и широким распространением водных объектов (озёра, болота, водотоки). Адаптация к сокращению пространства ресурсов/доступных кормов вела к уменьшению размеров мамонта и образованию новых форм, однако для видообразования на изученной территории «не хватило времени», из-за последующего похолодания климата и изменения среды. Выделена переходная форма от «рослых» мамонтов к «карликовым» («полукарлики») на континенте.

3) Изучение обугленных образцов из мерзлоты выявило хорошую сохранность органической компоненты кости при деструкции минеральной, т.е. непирогенную природу процесса (мокрое озоление, впервые показанное для позднего плейстоцена. Условия для мокрого озоления и вивианитизации возникали в тёплые фазы позднего плейстоцена: МИС 5е и МИС 3. Подтверждением «тёплого» времени является пыльца растений, современные ареалы которых простираются гораздо южнее.

4) Среда обитания вызывала у плейстоценовых животных ответные адаптации организмов. Мы выделили маркеры стресса у бизонов: (в) контрфорсы на МП, направленные на усиление конструкции костей для компенсации нагрузки; нарастание признака происходит с увеличением возраста и веса; (б) периоститы, вызванные микротравмами передней части метаподий. Состояние компакты костей у бизонов указывает на здоровье как минимум скелетно-мышечной системы и хороших условиях обитания.

Адаптация к среде выявлена на впервые описанной шерсти пещерного льва *P. l. spelaea*, у которого функция шёрстного покрова была направлена скорее в сторону защиты от внешних физических воздействий при увеличенной доли утепляющего подшёрстка. Шерсть древнего бизона и мамонта также имеет выраженные адаптации: более дифференцированный волосяной покров, более развитый подшёрсток, более крупные кутикулярные чешуи волос по сравнению с представителями видов из более южных регионов. Соотношение разных групп волос и их функции у древних бизонов отличались, от таковых у современных сородичей в сторону лучшей термоизоляции и механической защиты.

5) Показана значимость шерсти позднеплейстоценовых крупных млекопитающих как тафономического агента, накапливавшего органические свидетельства прошлого, и как нового источника информации о природной среде. При оттаивании и переотложении может происходить контаминация шерсти более поздними органическими остатками. Однако это не снижает, а наоборот, повышает ценность её как сорбента, позволяя реконструировать этапы формирования тафоценоза. Остатки жаброногих ракообразных из шерсти дали новые возможности для палеореконструкций временных водоемов. В бассейне р. Б. Чукочья, как и на всей палеарктической части Берингии, представители *Daphnia* (*Ctenodaphnia*) отсутствуют; ближайшим местообитанием является среднее течение р. Лена, и южнее. В Северной Америке они есть на Юконе и полностью отсутствуют на Аляске. Во время существования берингийского моста некоторые группы имели трансголарктический ареал.

Исследование экскрементов показало сходство как питания мамонтов, живших на удалённых друг от друга территориях с-в

Азии, так и биотопов: злаково-разнотравные и осоковые тундровые сообщества с карликовыми кустарниками на водоразделах и в долинах, понижения с луговой растительностью, мелкие озёра с обильными околоводными растениями, заросли карликовых кустарников и злаковники на склонах водоразделов, и сходные условия для сохранения экскрементов. Включения лоскутов выстилающей ЖКТ слизистой свидетельствуют о заболевании ЖКТ; обилие глинистых частиц предполагает литофагию, пополнявшую запас необходимых веществ и, возможно, лечение. Остатки дафний, насекомых, перьев птиц, костей мелких млекопитающих, шерсти крупных фитофагов дополняют информацию о пастбищах и региональной палеобиоте.

Таким образом, согласно изложенным результатам, неинситуальные позднеплейстоценовые остатки крупных млекопитающих с Северо-Востока Азии как природный архив хранят ценную информацию и представляют собой перспективный ресурс для палеогеографических реконструкций при комплексном подходе к их исследованию.

Список основных печатных трудов по теме диссертации в журналах по перечню ВАК:

1. Kirillova, I. V. Estimation of individual age and season of death in woolly rhinoceros, *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799), from Sakha-Yakutia, Russia / I. V. Kirillova, F. K. Shidlovskiy // Quaternary Science Reviews. – 2010. – Vol. 29. – P. 3106–3114.

2. Kirillova, I. V. Kastykhtakh mammoth from Taimyr (Russia) // I. V. Kirillova, F. K. Shidlovskiy, V. V. Titov // Quaternary International. – 2012. – Vol. 276–277. – P. 269–277.

3. Kirillova, I. V. On the discovery of a cave lion from the Malyy Anyui River (Chukotka, Russia) / I. V. Kirillova, A. V. Tiunov, V. A. Levchenko et al. // Quaternary Science Reviews. – 2015. – Vol. 117. – P. 135–151.

4. Kirillova, I. V. The diet and environment of mammoths in North-East Russia reconstructed from the contents of their feces / I. V. Kirillova, J. Argant, E. G. Lapteva et al. // Quaternary International. – 2016a. – Vol. 406. – P. 147–161.

5. Kirillova, I. V. Taphonomic phenomenon of ancient hair from Glacial Beringia: perspectives for palaeoecological reconstructions / I. V.

Kirillova, J. van der Plicht, S. V. Gubin et al. // *Boreas*. – 2016b. – Vol. 45. – P. 455–469.

6. Kirillova, I. V. Morphological and genetic identification and isotopic study of the hair of a cave lion (*Panthera spelaea* Goldfuss, 1810) from the Malyi Anyui River (Chukotka, Russia) / O. F. Chernova, I. V. Kirillova, B. Shapiro et al. // *Quaternary Science Reviews*. – 2016. – Vol. 142. – P. 61–73.

7. Kirillova, I. V. Discovery of the skull of *Stephanorhinus kirchbergensis* (Jäger, 1839) above the Arctic Circle / I. V. Kirillova, O. F. Chernova, J. van der Made et al. // *Quaternary Research*. – 2017. – Vol. 3. – P. 537–550.

8. Kirillova, I. V. Metapodials of ancient bison (*Bison priscus* Boj.) of north-east Russia: “Stress markers”, sex and withers height / I. V. Kirillova, F. K. Shidlovskiy, A. V. Zinoviev // *Integrative Zoology*. – 2018a. – Vol. 14. – No 3. – P. 270–279.

9. Kirillova, I. V. Ancient dna analysis of a holocene bison from the Rauchua River, northwestern Chukotka, and the existence of a deeply divergent mitochondrial clade / A.O. Vershinina, J. D. Kapp, A. E. R. Soares et al. // *Зоологический журнал*. – 2019. – Т. 98. – № 10. – С. 1091–1099.

10. Kirillova, I. V. ‘Semi-dwarf’ woolly mammoths from the East Siberian Sea coast, continental Russia / I. V. Kirillova, O. K. Borisova, O. F. Chernova et al. // *Boreas*. – Vol. 49. – 2020. – P. 269–285.

11. Кириллова, И.В. К вопросу о времени и среде обитания *Stephanorhinus kirchbergensis* Jäger 1839 (Rhinocerotidae, Mammalia) на Алтае и Северо-Востоке России / И. В. Кириллова, А. О. Вершинина, Э. П. Зазовская и др. // *Зоологический журнал*. – 2021. – Т. 100. – № 5. – С. 558–572.

12. Kirillova, I. V. Nonpyrogenic charring of Late Pleistocene large mammal remains in northeastern Russia / I. V. Kirillova, O. K. Borisova, O. F. Chernova et al. // *Boreas*. – 2021. – <https://doi.org/10.1111/bor.12569>.